

Василий Брусянин

Мать

Василий Васильевич Брусянин

Мать

Серия «Опустошённые души»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9815483

Аннотация

«Свечи на ёлке догорели и потухли... Особенно долго почему-то догорала одна свечка, розовая... А дети кричали:

– Мама!.. Мамочка!.. Смотри, розовая свечечка всё горит...

Анна Николаевна смотрела на догоравшую розовую свечку и молча о чём-то думала.

Но вот и тонкий, обуглившийся фитиль розовой свечечки перегнулся, моргнул раза два-три блестящей искрой и упал на еловую ветку, и потух...»

Василий Брусянин

Мать

(Новелла)

Свечи на ёлке догорели и потухли... Особенно долго почему-то догорала одна свечка, розовая... А дети кричали:

– Мама!.. Мамочка!.. Смотри, розовая свечечка всё горит...

Анна Николаевна смотрела на догорающую розовую свечку и молча о чём-то думала.

Но вот и тонкий, обуглившийся фитиль розовой свечечки перегнулся, моргнул раза два-три блестящей искрой и упал на еловую ветку, и потух...

Старшая дочь Анны Николаевны, Наденька, вздохнула, прижалась к матери, обвила её за шею руками и тихим и робким голосом спросила:

– Мамочка!.. Ты говорила, что папа приедет, когда зажгут ёлку, а он не приехал?..

К Анне Николаевне и Наденьке подошёл Серёжа, светлокудрый мальчик с серыми глазами.

Он пристально и испытующе смотрел в лицо матери и ждал ответа...

– Милочки мои, верно папе нельзя было, он и не приехал...

Она говорила и прятала от детей глаза.

– А когда же он приедет? – капризным голосом спросил Серёжа, и глазки его блеснули слезами... – Мама, когда же он приедет?.. – повторил он вопрос, видя, что мама замешкалась с ответом.

– Скоро, милый, он приедет... скоро... Идите спать, пора... Няня расскажет вам сказку, а завтра вечером мы все поедem на ёлку к Юре и Юлечке... Помните вы Юлю и Юрочку?..

Анна Николаевна долго говорила о Юле и Юрочке, вспоминала о минувшем лете в Финляндии. Говорила о море и горячем песке, по которому все они ходили босыми ногами.

Она отвлекла внимание детей от жгучего вопроса об отце, и те успокоились, покорно выпили по кружке молока и ушли с няней в спальню.

Анна Николаевна поцеловала их в постельках, прикрыла одеялами, а старая няня уселась у детских кроваток и тихим и ласковым голосом начала рассказывать сказку-выдумку, красивую выдумку, непохожую на жизнь со скучными долгими днями и тёмными глухими ночами.

Анна Николаевна и сама была готова слушать эту сказку-выдумку, чтобы забыть о жизни. Но простоватое старческое лицо няни смутило её. В самом деле, разве же может эта простоватая женщина успокоить её своей сказкой-выдумкой?..

Она осторожно поднялась, взглянула ещё раз на милых деточек, вышла из детской, плотно притворив дверь, и чрез столовую прошла в кабинета мужа.

Недавно здесь горели на ёлке свечи, яркими бликами играя на позолоте ёлочных украшений. В комнате было светло и весело. Старая няня играла на гармонике «Казачка», а Наденька и Серёжа плясали и так смешно притопывали своими крошечными, толстенькими ножонками.

Она сидела в большом кресле у письменного стола мужа, читала газету и вслушивалась в игривый мотив гармоники и слушала, как дети отбивали ножонками такт и плясали.

Пёстрый газетный листок с пёстрыми фактами жизни не остановил её внимания. Она осмотрелась по сторонам. Обвела глазами комнату, засмотрелась на письменный стол мужа. И этот стол был таким же, каким был и в рождественский вечер прошлого года, когда муж был дома.

Тогда был такой же тихий, хороший вечер... Горели на ёлке свечи, и было уютно и тепло всем вместе... Отец сам украшал для детей ёлку, он любил это делать...

В тот вечер прошлого года старая няня стояла у двери в столовую со скрещенными на груди руками, а в её глазах светилась тихая радость. В тот вечер отец сам играл «Казачка», улыбался, а Наденька и Серёжа плясали и хохотали...

Когда дети заснули, Анна Николаевна с мужем поехали на рождественский журфикс к знакомым и вернулись домой только к утру, когда на небе горела яркая путеводная звез-

да...

Как странно, в её памяти навсегда запечатлена одна подробность этого утра.

Они ехали на извозчике по Николаевскому мосту. Муж долго всматривался в одну яркую звезду рождественского утра и сказал:

– Посмотри, как красива эта звезда!.. Может быть, она светила и волхвам несколько веков назад... И они шли к своей цели, верные себе...

Помолчав он добавил:

– А у нас, людей двадцатого века, часто нет такой путеводной звезды, и мы сбиваемся с пути, или... в нас гаснет вера в ту далёкую мечту, далёкую и яркую как эта звезда...

И в голосе его дрогнули печальные нотки.

Она помнит этот голос до сих пор, и всё, что сказал муж, врезалось в её память. Часто потом, после отъезда мужа, ей приходили на память эти слова и как раскалённые уголья падали на дно её души.

Горят эти слова в её душе и теперь. И нет от них покоя и забвения...

Сегодня вечером Анна Николаевна собралась поехать на журфикс к тем же знакомым, где они с мужем были и в прошлом году... Но она раздумала...

Захотелось побыть в одиночестве, что-то ещё продумать, в чём-то разобраться, что так и осталось неясным на всю жизнь.

Она достала из ящика стола последнее письмо мужа и стала перечитывать его, точно с желанием найти в нём ответ на неразрешённые вопросы. Но письмо было кратко: муж сообщал о своём здоровье, спрашивал: «Как дети?»... и только.

Короткие, спешно набросанный строки... Часто от них веет холодом и даже смертью...

Холодные мурашки пробежали по спине Анны Николаевны, добрались до затылка, охватили всю голову. Почтовый листок задрожал в её руке: она нашла новые слова в письме мужа. Как это она раньше не замечала этого?.. Вот они... Муж пишет: «Анюта, не грусти, голубчик, кто же нибудь должен остаться и с детьми... Мы поделили труд, иначе нельзя»...

Он часто говорил то же самое, когда был с нею. И как-то выходило так, что Анна Николаевна оставалась около детей, потому что «иначе нельзя», а он делал то, что ему хотелось. Он выходил из тесных рамок их семьи и расплывался в той большой массе людей, которая называется человечеством. И только два представителя громадного человечества оставались около неё, и она с ними...

Разве же это ответ на запросы Анны Николаевны?.. Разве же она об этом думала, когда была курсисткой и даже гимназисткой?..

Тогда рисовались призрачные дали будущего, и она представляла себя приносящей жертву всему человечеству.

Когда они встретились и сошлись, они оба говорили одно и то же: «Теперь мы вместе пойдём на общую работу»... И они пошли на эту работу...

Но вот родилась Наденька, и она отстала от него. Заботы матери о малютке становились на её пути к общему, большому счастью. Появился на свет Серёжа, и на пути к общему счастью всех людей выросло благо двух, – двух: Наденьки и Серёжи... Дети росли, а путь к общему счастью всё больше и больше засорялся и терялся...

Она отстала от других и от мужа, остановилась в раздумье перед запросами жизни, – личной жизни, и теперь не знает, что дальше делать?

Она взяла большой лист почтовой бумаги и описала всю историю своих разочарований...

«Артемий, – писала она, – не сердись на меня, но сегодня я почему-то упорно думаю об этом... Я только что уложила детей, осталась одна, и вот эти странные думы волнуют меня... Мне невыносимо грустно. Я никогда не могу отогнать от себя одной роковой думы...

Отчего это так?... Я осталась здесь с ними, с моими детками... Не думай ты, что я не люблю их... Я... О, Артемий... Я люблю их, люблю, и потому-то мне так и горько за себя... Но, ведь, вот в чём трагизм моего существования. Ты там за работой, о которой мы мечтали вместе, а я здесь, и всё ещё остаюсь на пороге к этому счастью... Отчего так вышло? Почему ты оставил меня для „домашнего счастья“, а сам по-

шёл ковать счастье большое, для всех?..

Я слышала о том, что ты там делаешь. Из М... приехала Лида и рассказывала о тебе... Мне было бесконечно отраднo слышать о тебе как о герое в рабочих кварталах, среди людей, которым мы хотели отдать всю свою жизнь... Отчего же я не могу сделать того же?..

Почему мы, женщины, обречены на роль нянек, сиделок и... Я едва не уронила слова, обидного для тебя, но воздержалась вовремя и выжгла это слово из своего сознания... Я знаю, ты по-настоящему любишь меня... Я знаю, для тебя я и жена, и товарищ... Но помоги же мне выбраться из трясины, уведи меня за собою... Впрочем, об этом нельзя даже и мечтать. Это так несбыточно! Пусть так! Пусть я обречена на роль няньки! У меня ещё есть крупица утешения, и я могу ещё быть полезной. Ведь дети подрастут, и я снова буду свободной птицей и полечу туда же, куда влечёт меня что-то неведомое, но большое и сильное...

Милый мой Артемий... Не сердись на моё малодушие. Не сердись на это моё письмо с ёлки... Дети спят... Они недавно веселились и плясали, а у меня сердце обливалось кровью... Они всё приставали ко мне – почему папа не приехал, обещал приехать, когда зажгут ёлку, и не приехал... Врала как умела... Я всё вспоминала о том, как мы с тобой возвращались с журфикса в прошлом году... помнишь, от Л...ских... ехали по Николаевскому мосту, и ты говорил о звезде, по пути которой шли волхвы... Ты говорил

о том, что у нас часто нет путеводной звезды... Я вспоминала это утро и твою фразу... Друг мой, где же моя путеводная звезда?.. Её нет?!.. Её лучи не проникают чрез опущенную штору детской... В эту маленькую и милую нам обоим комнату не проникают лучи света от моей, где-то затерявшейся путеводной звезды... И я живу как во тьме, без исхода и без мечты о будущем... Говорят, дети – будущее, но ведь это будущее их, а кто же меня может лишать моего будущего?.. За этой фразой не может успокоиться моё больное сердце...

Я должна закончить это письмо, потому, боюсь – не сдержусь... Я чувствую, что моё письмо – укор по твоему адресу, а я не хочу отравлять тебе ни минуты покоя. Я молчу, молчу о том, что накопилось у меня на душе, но я не могу молчать о другом... Я буду тебя просить, скажи мне – когда я могу поднять шторы на окнах детской? Когда я могу вздохнуть полной грудью? Когда я могу отдать себя всем как ты, а не немногим, как делаю теперь? Я молю тебя об этом, мой Артемий...

Вы все, бодрые и сильные мужчины, должны сменит нас, слабых матерей и жён, чтобы и мы были сильными... Когда же вы дадите нам право выйти на торную дорогу? Дайте же и нам возможность отдать себя многим, если не всем... Дайте же нам возможность выйти из детской... А вы вернитесь и замените нас, хотя бы на время»...

Она так и не окончила этого письма, отвалилась к спинке

кресла и забылась в какой-то странной дремоте, в каком-то странном полусне...

Рано утром она прочла написанное ночью, глубоко вздохнула, как-то странно посмотрела вокруг себя и медленно прошла в детскую.

Наденька и Серёжа ещё спали в своих кроватках. Разметавшиеся за ночь, с разгоревшимися личиками, они показались Анне Николаевне красавчиками...

Она укрыла их одеялами, подошла к окнам, занавешенным белыми шторами, и остановилась в тихом раздумье...

Теперь она упрекала себя за странные думы ночью. Глухое негодование вырывалось из её души на детей в часы одиночества, а теперь она стыдилась этих дум...

Ей казалось, что она причинила детям какую-то боль, когда дети спали... боль своим милым деточкам. Она подошла к кровати Наденьки и принялась её целовать, потом подошла к кровати Серёжи и целовала его.

Проснулась Наденька и улыбнулась матери...

Проснулся Серёжа и улыбнулся маме, и странно оттопырил губы... Хотелось смеяться над этой гримасой, но Анна Николаевна оставалась серьёзной...

А дети продолжали улыбаться, потом послышался их смех... Явилась няня и стала одевать их. А Анна Николаевна сидела у кроваток и точно подыскивала какие-то слова, чтобы сказать детям что-то важное, нежное...

Вот она встала, подошла к окнам и подняла шторы... Яс-

ное, морозное утро глянуло на неё из-за стёкол, и что-то тихое и щемящее заняло в её груди.

А за белыми от мороза стёклами была другая жизнь, и крикливые голоса её не нарушали святой благоговейной тишины детской, где спали Наденька и Серёжа.

Так было и в ту великую рождественскую ночь. Мать осталась в пещере, а кто-то сильный и большой разбрасывал по земле семена любви и счастья...